

СВОБОДНОЕ СЛОВО

КАРПАТСКОЙ РУСИ

№ 3-4 (75-76)

Год издания VII-ой

1965.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Д-р А. Геровский: Рим и голод в Карпатской Руси	2
М. Каратеев: „Железный Хромец”	5
Н. С. Арсеньев: Идея папы в католической церкви	8
Св. Иоанн Златоустый: Разъяснение притчи о талантах	11
Ю. Миролубов: Поиски загадок прошлого	13
П. Панин: Рим	14

А. Геровский

РИМ И ГОЛОД В КАРПАТСКОЙ РУСИ

На карпатской верховине наш народ все время жил впроголодь. В этом лишней раз убедилась делегация Карпато-русского Союза, побывавшая в 1938-м году в Карпатской Руси. Но в конце двадцатых годов там выдался настоящий голод вследствие жестокого неурожая.

Нужна была помощь, но чешское правительство не предприняло ничего путного для того, чтобы облегчить хотя бы частично положение голодающих верховинцев*) Одним из самых простых и очевидных способов помощи, который предлагался с русской стороны, было разрешение беспошлинного ввоза для голодающих пшеницы и кукурузы из Румынии, где цены на хлеб были вдвое дешевле чехословацких. Но чешское правительство на это не шло.

Ввиду этого у меня явилась мысль попросить помощи у сербов, а именно у сербской православной Церкви, у которой были большие земельные угодья в особенности в Бачке и в Баранье. Мне было известно, что в одном церковном имении в Баранье были большие залежи пшеницы и я был убежден в том, что сербская Церковь нам не откажет в своей помощи. Для меня было ясно, что даже посылка нескольких вагонов пшеницы из Сербии пристыдит чехов, после чего и они будут принуждены прийти на помощь нашим голодающим руснакам.

Сербский патриарх и все члены синода сразу же согласились взяться за дело. Но ввиду явно недоброжелательного отношения чешского правительства к православной Церкви, синод уведомил югославянского министра иностранных дел о своем намерении послать несколько вагонов пшеницы голодающим крестьянам в Карпатскую Русь. Министерство нашло этот план неудобным, полагая, что чешское

правительство сочтет сербскую помощь карпатороссам, даже голодающим, „вмешательством во внутренние дела Чехословакии“.

Ввиду этого я придумал другой план, который, как мне казалось, заставит как югославянское правительство так и чехов прийти на помощь нашему народу. Я был уверен в том, что мадьяры с величайшим удовольствием помогут нам в этом деле и что в итоге и сербы и чехи не останутся позади. В венгерском министерстве иностранных дел у меня был знакомый с которым я встретился когда то в Женеве во время одной из генеральных сессий Лиги Наций, которые там происходили ежегодно осенью в сентябре. Это был граф Чаки, который тогда прибыл в Женеву в составе венгерской делегации для связи с представителями международной печати. Я встретил его в одном ресторане, в котором собирались иностранные журналисты. Во время генеральных сессий Лиги Наций в Женеве всегда заседал также и съезд Конгресса Меньшинств, членом которого я состоял и на котором я присутствовал.

Я изложил мой план сербским епископам и с их согласия поехал в Будапешт к графу Чаки. Рассказав ему подробно о голоде в Карпатской Руси, я заметил ему, что настал момент, когда мадьяры могут на деле доказать свои симпатии к русским очутившимся под чешским игом посылкой нескольких вагонов хлеба голодающим в Карпатской Руси. При этом я сказал ему, что дабы не дать чехам возможности не допустить этой помощи, есть только один способ, а именно, чтобы хлеб посылала мадьярская протестантская кальвинская Церковь, которая в прошлом боролась в течение более ста лет совместно с русскими против Габсбургов и габсбургской контр-реформации за свободу веры. Я сказал ему, что в Карпатской Руси простой народ все еще помнит эту борьбу. Напомнил я ему также и о том, что во время первой мировой войны наш народ в Карпатской Руси благодаря мадьярским кальвинистам не пережил тех ужасов, которым русское население

*) Одно женское общество в Праге впоследствии хвасталось в пражских газетах тем, что оно послало в Карпатскую Русь нескольких своих членов, которые учили русских крестьянок как делать „вкусные чешские кнедлики“.

ние в соседней Галичине подверглось со стороны поляков и их „украинских“ наймитов и что в виду всего этого желание мадьярской кальвинской Церкви помочь нашему народу покажется совершенно естественным. Граф Чаки очень заинтересовался тем что я ему говорил и было видно, что он мне сочувствует. Но он сам конечно не мог решить этот вопрос. Он попросил меня подождать немного и вышел из комнаты, очевидно для того чтобы узнать мнение своего начальства.*)

Ждать мне пришлось довольно долго. Решить этот вопрос было мадьярам не легко ввиду того, что тут был замешан старый антагонизм, все еще тлеющий в Венгрии между кальвинизмом и римским католицизмом. Когда наконец граф Чаки вернулся, он мне сказал, что принципиально министерство иностранных дел согласно помочь нам, но что мне необходимо повидать еще монсиньора Цисарика. На мой вопрос, где я его могу видеть и кто он такой, граф Чаки сказал, что у Цисарика тут же в министерстве иностранных дел своя канцелярия и что он униатский священник, уроженец Пряшевщины, состоявший до первой мировой войны при австро-венгерском посольстве в Ватикане. Граф Чаки повел меня к нему и, познакомивши нас, удалился.

Монсиньор начал разговор с того, что спросил меня, откуда я. Когда я сказал ему, что я внук Добрянского, он как то сразу как будто растаял и начал вспоминать свою молодость: — „И я ведь тоже оттуда. Мой отец был священником в русском селе. Я там вырос. Я никогда не забуду, что меня выкормили русские крестьяне, прихожане моего отца"... Затем оказалось, что он одно время был законоучителем в учебном заведении в Кошицах, в котором училась моя двоюродная сестра Вера. Он ее хорошо помнил. Так мы некоторое время разговаривали о былом и мне показалось что у монсиньора Цисарика не совсем еще угасла любовь к своему народу и к своей родине. Разговаривали мы с ним на немецком языке, ибо как он мне объяснил, он прожил большую часть своей жизни в Вене и в Риме, а затем после войны в Будапеште, и ему уже несколько десятков лет не приходилось говорить по-русски. Каковы у него в действительности были чувства в отношении русского народа, которому он — как он мне повторил „был благодарен за то, что он его выкормил” — я не знаю. Но, во всяком случае, он говорил со мной совершенно откровенно, что меня чрезвычайно удивило.

**) Граф Чаки был впоследствии, во время второй мировой войны, министром иностранных дел.

Когда мы перешли к делу и после того, как я изложил ему мой план, который ему уже очевидно сообщили, он сказал мне, что „мы” готовы помочь голодающим в Карпатской Руси и что для этого дела самым подходящим лицом является епископ Папп, бывший ужгородский униатский епископ, занимавший в то время кафедру униатского епископа в Венгрии в г. Гайду-Дорог. Он де хорошо знает Карпатскую Русь и его „все знают в Карпатской Руси”.

Я старался объяснить монсиньору, почему это невозможно, почему епископ Папп в этом деле нам помочь не может. Я указал ему на то, что Ватикан убрал епископа Паппа из Ужгорода и перевел его в Венгрию после войны по настоянию чешского правительства. Хотя Папп был по своему происхождению русский, но он был „мадьярон”, то есть превратившийся в мадьяра. Он был помехой для чешских планов и пришел в столкновение с чешскими властями из-за церковных школ, которые он хотел оградить от чешского влияния ссылаясь на международный договор, гарантировавший Карпатской Руси „самую широкую автономию”. Папп хотел использовать церковные школы для своих мадьярских целей, а чехи для чехизации и украинизации. Первая и самая серьезная стычка произошла из-за церковной учительской семинарии в Ужгороде, которую возглавлявший ее униатский монсиньор Волошин решил использовать согласно чешским планам для украинизации Карпатской Руси. Победу одержало чешское правительство, так как его противорусские планы представляли для Ватикана гораздо больше интереса нежели патриотические мадьяронские планы епископа Паппа. Все это было, конечно хорошо известно монсиньору Цисарику. Но я ставил точки на i, дабы доказать ему всю несуразность его плана, по которому акцию помощи голодающим в Карпатской Руси должен был возглавить епископ Папп. Я сказал монсиньору, что чешское правительство не допустит в Карпатскую Русь никакой пшеницы, которую отправит туда епископ Папп и что против такого поступка чешского правительства никто протестовать не будет, то есть ни одно иностранное правительство и ни одна заграничная церковная организация и, в особенности, ни Рим. Но чешское правительство не посмеет допустить в Карпатскую Русь хлеб, который будет послан кальвинской Церковью, так как оно будет опасаться протестов со стороны протестантов Англии и Америки и наверное также и православных Церквей, в том числе и сербской. Подчеркнул я также и то, что мадьярская кальвинская Церковь, предлагая свою помощь,

должна бы припомнить, как в течение более ста лет мадьяры-кальвинисты боролись рука об руку с православными Карпатороссами против Габсбургов. Я припомнил монсиньору и то, что конечно ему было хорошо известно, как мадьярское правительство во главе с адмиралом Хорти было и в это время против возвращения Габсбургов в Венгрию и что оно даже арестовало бывшего австро-венгерского императора-короля. Карла, когда он после первой мировой войны посмел вступить на венгерскую территорию. Указал я ему также и на то, что во время первой мировой войны карпатороссов, подозреваемых в руссофилстве не вешали и не расстреливали без суда и не ссылали в концентрационные лагеря как в Австрии, но отправляли в мадьярские кальвинские деревни где они заменяли мобилизованных отцов и сыновей, помогая их семьям оставшимся без рабочих сил при полевых работах. Я рассказал ему как эти карпаторусские крестьяне сосланные в мадьярские кальвинские деревни помнят, что с ними там обращались как с членами семьи и как им говорили: „Мы знаем что вы хорошие люди. Наши предки воевали совместно с вашими предками за нашу свободу”.

Выслушав меня, монсиньор Цисарик ответил мне:

— Мы хотим и мы можем помочь вам, но только через епископа Палпа...

А когда я еще лишний раз повторил ему, что чешское правительство ни в коем случае не позволит Паппу прислать пшеницу в Карпатскую Русь, но что оно не посмеет отказать в этом протестантской церкви, монсиньор заявил мне, что римская церковь не может допустить того, чтобы пшеница была послана от имени кальвинистов, ибо это было бы против интересов римокатолической церкви.

На это я без обиняков возразил ему:

— Значит, будучи венгерским гражданином и заседая в венгерском министерстве иностранных дел, вы работаете против интересов Венгрии ставя интересы Ватикана выше венгерских?

„Совершенно верно, — ответил монсиньор. Но, милое дитя мое, вы забываете, что государства исчезают, а церковь вечна.” Я помню точно его слова сказанные по-немецки:

Ganz richtig. Aber, liebes Kind, Sie vergessen: Staaten vergehen aber die Kirche ist ewig”.

Ставленник Рима в венгерском министерстве иностранных дел настоял на своем. Несколько вагонов пшеницы были отправлены в Карпатскую Русь от имени епископа Палпа. Чехи их задержали на границе.

Так все дело провалилось. Русские горцы на

Карпатах продолжали голодать. Но интересы Рима были соблюдены. Ни протестанты, ни православные не смогли оказаться благодетелями голодающего русского народа в Карпатской Руси.

.....

Александр Котомкин

(Из стихотворения, посвященного Ж. К. В.)

Были нищие духом и кротко смиренны.
Как, вот, этот Ваш нищий, смирения полн...
Но Христом они были Самим вдохновенны
И давали всем сил средь бушующих волн...
И людей к покаянию они призывали,
К покаянию пред Богом в житейских грехах,
Звали пенем своим в преднебеонья дали,
И вселяли в сердца в Бога Веру и Страх...

**

Так и здесь я брожу, верой в Господа полный,
Вместе с Песнью, со Славой к Богу брожу, —
И не страшны мне злые житейские волны,
Когда здесь я, как Ваше, сердца нахожу...

ПЕСНЯ О ПРАЗДНИКЕ ПРЕСВ. ТРОИЦЫ

М. Я. Б. и всем Православным христианам с чувством глубокого уважения эту Песню посвящаю. Автор.

В Праздник Троицы Святой —
Помните березы? —
Я лечу в мой Край родной,
Проливая слезы...
Но напрасно слезы лить,
Средь житейской битвы!
Надо нам Христа молить,
Возносить молитвы,
Чтоб Господь наш Русский Край
Озарил сияньем, —
И в пресветлый месяц май
Освятит сказаньем,
Как в День Троицы Святой
Праздник освящался,
В Русской там Стране Родной
Храм преобразался...

**

Всюду травы и цветы,
Милые березы,
О возвышенном мечты
И святые Грезы,
Что исчезнет Злобы Тень,
Гнета и печали,
Встретим Троицын мы День,
Раньше как встречали!...

ГЛАВА ИЗ ГОТОВЯЩЕГОСЯ К ПЕЧАТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА "ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ"

(Предыдущая глава была напечатана в № 61-66 нашего журнала)

Празднество в честь ордынского посла было устроено перед шатром Тимура, на довольно просторной площадке, которую кольцом окружали шатры его эмиров и приближенных. На ней в разных местах пылали костры, — войны всё время поддерживали в них большой огонь, кроме того, — когда совсем стемнело, — вокруг расставили горящие факелы на высоких подставках.

Железный Хромец сидел отдельно, у своего шатра, на стопке овечьих шкур, покрытой дорогим ковром. За его спиной и по бокам стояло не меньше десятка слуг и приближенных, которые подавали ему кушанья и напитки, а также исполняли различные его поручения. Все остальные участники пиршества, — сидя на разложенных всюду коврах, подушках и шкурах, — расположились по всей поляне, — наиболее важные ближе к Тимуру.

Когда все были в сборе, по знаку распорядившегося трапезой эмира, появились первые блюда: жаренная баранина и конина. Мясо, в больших кусках, было навалено горами на несколько особо-выделанных и по краям тисненых золотом лошадиных кож, которые, — взявшись за приделанные к ним гужи, — слуги волоком втащали на середину поляны.

Сейчас же к ним подступило человек десять резачей, в белых кожаных передниках и в таких же нарукавниках. Длинными ножами они быстро и ловко принялись резать мясо на более мелкие куски, раскладывая их в золотые, серебряные и расписные глиняные миски, которые слуги ставили возле них рядами на землю. Двое рабов из больших серебряных сосудов поливали поделенное жаркое острым и прянным соусом, двое других, поверх этого, клали в каждую миску по большой хлебной лепешке. Затем, поставив с десятков наполненных мисок на землю, перед Тимуром, слуги принялись разносить остальные гостям. Наиболее знатным из присутствующих они подавали еду в золотых мисках, тем что по положению были пониже, — в серебряных, всем прочим доставались глиняные.

Одновременно с этим, чуть в стороне, другая группа слуг из больших кувшинов разливала по золотым и серебряным чарам вино и кумыс, которые тоже сейчас же разносились пирующим.

К еде приступили молча, и только после нескольких выпитых чар тут и там начали за-

вязываться разговоры, сдержанные вначале и всё более громкие по мере того, как хмель овладевал людьми. Еду брали из мисок руками, но вытирали их не об одежду и голенища сапог, как это было принято раньше, а о белые полотняные полотенца, которые слуги раздавали присутствующим.

Едва началось пиршество, Тимур что-то негромко сказал, указав пальцем на самую большую из золотых мисок, стоявших перед ним. Тотчас один из его приближенных поднял эту миску и приблизившись к Карач-мурзе с поклоном подал ему.

— Это тебе посылает великий эмир, да прославится его имя по всей земле, — сказал он.

Карач-мурза знал здешние обычаи: это означало, что вместе с едой Тимур дарит ему и самую миску. Тут же съесть хоть глоток из ее содержимого считалось верхом неприличия, — это надлежало сделать дома. И потому Карач-мурза низко поклонившись Тимуру, принял миску обеими руками, поцеловал ее край и сейчас же передал одному из своих нукеров, с приказанием отнести к нему в шатер.

Некоторое время спустя, виночерпий Тимура подал ему на круглом золотом блюде драгоценный кубок, наполненный вином. Поблагодарив поклоном царственного хозяина, вино полагалось выпить тут же до последней капли, что и сделал Карач-мурза, после чего и поднос и кубок тоже перешли в его собственность.

Пиршество, между тем, продолжалось. На смену первым блюдам пришли следующие: печеные головы ягнят, лошадиные почки с овощами, рисовый пилав из дичи, копченые конские окорока, жаренные колбасы с чесноком и чубуреки. И наконец сладкое: изюм, орехи, миндаль, вареные в меду фрукты, рахат-лукум и другое.¹⁾

Тимур ел и пил много, время от времени посылая блюда и миски с едой и кубки с напитками тем из своих эмиров и приехавших с Карач-мурзой татарских князей, которым он хотел выказать особое благоволение. Еще несколько золотых и серебряных блюд и чарок получил за этот вечер и сам Карач-мурза.

¹⁾ Описание этих обычаев, блюд и пр. оставил нам в своем „Дневнике путешествия ко двору Тимура“ испанский посол Р. Гонсалес де Клавихо.

Многие вскоре захмелили. На пиршествах Тимура это не только допускалось, но даже считалось почти обязательным и сам он проводил шутивыми замечаниями тех своих упившихся гостей, которых в конце пирушки слуги разносили по шатрах. Теперь на площади уже все галдели и кричали, тем более что разговаривающим приходилось перекрикивать грохот бубнов и завывание зурён вызванных Тимуром музыкантов. Некоторые повставали с мест и пустились в пляс.

Карач-мурза, тоже встав, чтобы размять затекшие ноги, молча наблюдал это зрелище, когда вдруг услышал у себя за спиной голос:

— Я вижу, что тебе здесь не очень весело, оглан?

Медленно обернувшись, он увидел стоявшего перед ним коренастого человека средних лет и среднего роста, с хитровато-благодушной улыбкой на очень смуглом и не лишенном приятности лице. Это был эмир Эдигей.

— Почему ты так думаешь, эмир? — спросил он, чувствуя в словах Эдигея скрытый вызов и внутренне принимая его. — Тимур-бек был ко мне сегодня очень милостив.

— Да, я видел, он подарил тебе много золота и серебра. Но разве ты за этим сюда приехал?

— То, зачем я сюда приехал еще не кончено, эмир. Тимур-бек не сказал своего последнего слова.

— Я могу поставить тысячу коней против одного барана за то, что это будет не то слово, которое хочет услышать хан Тохтамыш! Тимур умён и он не отменит похода теперь, когда своим письмом Тохтомыш сам показал ему свою слабость.

— Тохтамыш не так слаб, как ты думаешь, эмир.

— Может быть, ты и меня начнешь уверять в том, что он теперь вправду полюбил Тимура и хочет стать ему преданным и покорным сыном? — с усмешкой сказал Эдигей. — Если так, то не трудись, оглан: я его слишком хорошо знаю.

— Тохтамыш не хочет войны с Тимуром. Но если его заставят воевать, у него найдутся для этого нужные силы. И хотя ты твердишь Тимуру другое, — война будет для него очень трудной и только Аллах знает, кто выйдет из нее победителем.

— Пока Тимур побеждал всех. И совсем не нужно быть Аллахом, чтобы знать, что он победит и Тохтамыша. Ты сел на большую лошадь, которая упадет на половине скачки. Но еще не поздно переменить ее, оглан.

— Благодарение Аллаху, я не принадлежу к

тем людям, которые ради выгоды садятся на чужих лошадей, идущих выгнать поля и пастбища земли, которая их вскормила. Тимур, может-быть, очень достойный человек и щедрый хозяин, но он враг Орды, а я родился в Орде.

— Врагом Орды сделал его по своей глупости Тохтамыш, которому ты служишь. А я служу Кутлук-Тимуру, который хочет сделать Тимура другом Орды. Разве то, что было белым, когда Тимур помогал Тохтамышу, сделалось черным, когда он стал помогать Кутлук-Тимуру?

— Тимур свободен делать то, что он хочет, эмир. Но я и ты, — мы оба клялись в верности Тохтамышу.

— Аллах! Мы не простые воины, а князья. Ни один умный князь не хочет оставаться всю жизнь бараном в чужом стаде, если даже ему позолотят рога. Баран идет туда, куда его гонят, а человек рожденный для власти сам выбирает свой путь.

— Не всякий человек и не всякий путь, эмир. Тебе это следовало бы знать лучше, чем другим.

— Почему, оглан?

— Твой почтенный отец эмир Балтыкчи, да приблизит его Аллах к своему престолу, до конца оставался верным хану Мелику, даже когда все другие его покинули. И когда его звали на путь измены, он ответил: „я не хочу уподобляться такой собаке, которая увидев что на соседнем дворе кормят лучше, начинает кусать своего хозяина.“ Я тоже не хочу ей уподобляться, эмир. Таких собак у хана Тохтамыша было немало и мы не жалеем о том, что они разбежались по чужим дворам.

— Я это запомню, оглан. Но народная мудрость говорит: тот кто плюет против ветра, попадает себе в лицо. Запомни и ты: когда Тохтамыша прогонят с его двора, оттуда придется убежать и всем его верным собакам. Новый хозяин не бросит им и обглоданной кости.

— На всё воля Аллаха, эмир. Но засучить рукава — это еще не значит выдонтить кобылицу.

**

Две следующие недели прошли в лагере Тимура в праздности и пирах. Железный Хромец почти каждый день приглашал к себе Карач-мурзу, осыпал его знаками своего внимания, но о деле, которое привело его сюда, не говорил ни слова.

В один из этих дней справили свадьбу Карач-мурзы, что Тимур распорядился сделать с необыкновенной пышностью. Хатежде он подарил по этому случаю дворец в одном из так

понравившихся ей садов Самарканда и целый ларец драгоценностей, а Карач-мурзе — пару великолепных арабских коней, с седлами изукрашенными золотом и слоновой костью, и персидскую саблю, с ножами усыпанными сапфирами. Весь путь новобрачных, от Кара-Саманской мечети до их шатра, был выложен коврами, — на этом пути их девять раз обсыпали золотыми монетами¹⁾, которые потом были собраны и поделены между нукерами Карач-мурзы.

Тем временем к Кара-Саману постепенно подходили войска Тимура, на много верст вокруг заполняя весенне-зеленую степь бесчисленными шатрами, кибитками, десятками тысяч выпущенных на пастбище лошадей и отарами овец, которых гнали с собой для пропитания войска. Если бы кто-нибудь вздумал обскакать на коне вокруг этого огромного стойбища, ему не хватило бы дня.

Наконец, все были в сборе и на двадцать первое февраля Тимур созвал курултай. В нем принимали участие сыновья Тимура Мираншах и Омар-шейх, его внук Мухаммед-Султан, царевичи Кутлук-Тимур и Кунче-оглан, — тоже перебежавший от Тохтамышша, — Эдигей и более тридцати других эмиров.

Курултай закончился в один день. Как и хотел Тимур, — а может быть именно потому что он так хотел и другие это понимали, — все собравшиеся высказались за то, чтобы продолжать поход.

¹⁾ Девять — у среднеазиатских народов считается счастливым числом. У Мусульман, также как у христиан, новобрачных осыпают пшеницей или рисом, конфетами и деньгами.

И любим мы, и плачем, и смеемся —
Такие малые на маленькой земле, —
То встретимся, то снова разойдемся
И потеряемся во мгле.

И жизнь — Владычица морей и суши —
Тяжелой поступью идет
И, проходя, людские души
Железным молотом кует.

Кто вышел слабым в путь-дорогу
И с хрупкой, как стекло, душой,
Тот, возвращаясь снова к Богу,
Осколки принесет с собой.

Нам нужны души из метала,
Чтоб, раскалив их на огне,
Жизнь заступы из них сковала
И топоры родной стране.

Н. Рагозин

И. Ф. Наживин

МОИМ ГАЛИЦКИМ БРАТЬЯМ

Благодаря старому, антinationальному правительству России, я, как и миллионы русских людей, вырос в равнодушии к судьбам русских земель, оторванных от Великой России в течении Ее тысячелетней истории. Уже в эмиграции судьба столкнула меня с девушкой-галичанкой и, слушая ее, я впервые живо, с ужасом почувствовал ту огромную, кровоточивую рану, которая уже века зияет на юго-западном рубеже Великой Русской Земли. Теперь я с глубоким волнением слушаю голоса, доносящиеся до меня из старой русской Галиции и русского Прикарпатья и на их стон: „Мать наша, слышишь-ли?“ я, как старый Тарас в несравненной повести несравненного малороссийского писателя, гордости России, Н. В. Гоголя, от имени скованной теперь Матери нашей, России, трепетно отвечаю: „Слышу и передам о твоём стоне нашей общей Матери“...

В одной очень старой книге еврейский пророк Илия называется „птицей, поющей до рассвета“. Друзья мои, все вы — птицы, поющие до великого русского рассвета. Вы избрали тернистый путь — хвала вам! Из подвига Тарасов и Остапов выросло изумительное чудо Великой России, страны, равной которой по мощи и богатствам нет ни одной в мире. Продолжайте их святое дело. Не смущайтесь Ее временной немощью: Она собирает свои силы для громового воскресения. Верьте твердо, что из вашего подвига — подвига, подвига!... вырастет чудо еще более ослепительное, Великая Русь, от старых Карпат до Великого океана и от полярных льдов до пальм знойной Персии и Индии. Не бойтесь врагов — они ничтожны. Не смущайтесь змеиным шипеньем измены — это только дурной сон. Вперед и смело, гордо за Великую Единую, Неделимую и Обновленную Россию!

(Оборник статей „Вешние Воды“, изданный в 1932 г. во Львове обществом русских студентов „Друг“, стр. 54-55).

Русские люди, вашими пожертвованиями в ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ФОНД

вы поможете нам вести борьбу за душу народа. Ее калечат и приносят народу бесчисленные бедствия коммунизм и папизм. Наша цель: восстановить православное и народное мировоззрение, ибо в нем залог победы над темными силами коммунизма и папизма.

ИДЕЯ ПАПЫ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

(Отрывок из лекции о католицизме)

Как далеки мы еще, к сожалению, от объединения с католиками во многом важном и существенном в строе жизни церковной... Наряду с многими проявлениями горения духовного в святых, проявлениями высокоцерковного, истинно вселенского благочестия и в массе верующих — какой однако в католицизме нередко материалистический и внешний подход к глубинам, к самому существу жизни церковной! И это не только на практике, на практике все мы грешим; но в **принципах**, в самых **основах** римско-католической официальной доктрины. Ибо многие из этих основ католической официальной доктрины носят на себе печать **законнического** восприятия благодати и самой сущности церкви.

С особой силой раскрывается это в католическом учении о папской власти, этом основном камне всего здания римско-католического богословствования, этом **центральном догмате Рима**, который отчетливо и определенно отделяет Рим от православного вероучения.

Особое ударение, особый пафос вкладывается римскими богословами в это учение о папской власти. Ибо, повторяю, это **фундамент** всей римской системы как таковой; это учение о **видимом главе церкви**, о „заместителе“ или „наместнике“ Христа (Vicarius Christi), практически нередко заслоняющем Невидимого Главу — Христа; учение противоречащее основам апостольского учения о жизни церковной и о церковном познании...

Согласно апостолу Павлу, познание истины дается **братьям** укорененным в любви „вместе со всеми святыми“ (... дабы вы, укорененные и утвержденные в любви вместе со всеми святыми, могли постигнуть...) Ефес. III, 18-19). Согласно ватиканскому догмату, познание Истины дается папе самостоятельно, вне связи с Церковью, „из самого себя, но не из согласия Церкви“ („ex sese et non autem ex consensu Ecclesiae“). Монархизм юридический, земной монархизм Рима заменил учение о Церкви, как о **благодатном Телес Христове** под единым невидимым Главою-Христом. Психологическая причина этого вскрыта со всей определенностью Хомяковым; причина эта: **рационалистическое маловерие (или малодушие)** стремящееся невидимого Главу Христа заменить **видимым его наместником**. **Бремя свободы Христовой, участие в соборной жизни церкви всей полнотой личности нашей — оказалось не под силу римскому католицизму и он возложил**

все бремя ответственности на одного папу. Папа заменил все тело церковное в конечном познании истины. Критерием истины стал не Дух Святой, живущий в Церкви, а **голос епископа, восседающего на римской кафедре**. Тем самым **познание истины сделалось актом внешним для верующих**; они должны принимать то, что за них решает официальный возглавитель церкви в Риме — **незыблемый, непогрешимый, не связанный в своей непогрешимости с Церковью (ex sese!), а потому и внешний авторитет**.

Вся церковь таким образом резюмируется, концентрируется в папе. Поэтому для римского католика он — **единный источник всей епископской власти на земле**, он „episcopus universalis“. По католическому воззрению, он — **не первый среди равных ему по благодати братьев-епископов, нет: он — источник епископского служения; епископы — лишь делегаты, лишь уполномоченные, лишь представители папы**. А раз так, то папская теория лишает принципиального обоснования и внутреннего содержания и епископат и самую Церковь, превращая церковь из **Живого, Духом Божиим руководимого, братского организма — в собрание безгласных подданных, в юридически, а не мистически-жизненно обоснованное целое, в деспотически управляемое церковное государство**.

Церковь становится церковным государством — вот подходящая адекватная формула, раскрывающая внутренний смысл римского учения.*)

Недаром из уст одного просвещенного германского католика мне пришлось слышать следующие слова по поводу изложенного ему мною православного учения о Церкви: „У вас учение о церкви мистическое, а у нас, — тут он приостановился на одно мгновение, — юридическое“.

Но соответственны-ли, адекватны-ли грубо законническое человеческие представления **Тайнам Божиим, совершающимся в Церкви?** Это юридическое представление о Церкви не соответствует ни опыту жизни церковной, ни учению апостольскому, ни преданию церкви. Со всем другим тона звучат нам, например, из писания апостола Павла к Ефесянам и из толко-

*) Поэтому римские богословы говорят о „монархии Петра“ (Например: „proba tur Petri monarchia ex loco Evangelii Mt. 16“). и склонны рассматривать жизнь церкви с точки зрения земного государства (см. Беллармин Disputationes de contraversis christianaefidei 1586-1593, Tomas II, Controversia I lib. II).

вания к нему Златоуста. „Тело Церкви создает само себя в любви... при действии в свою меру каждого члена” (Ефес. IV, 16). И далее говорит апостол: — Бог все покорил под ноги Его (Христа) „и поставил Его выше всего, главою Церкви, Которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем” (Ефес. I. 22-23). Церковь есть Полнота Его, Наполняющего все, т. е. полнота главы своего, Христа. Другими словами — „в безмерном снисхождении в своей любви Он сделал так, что мы, члены Тела его — Ему самодовлеющему, Ему, Владыке и Господу, не имеющему ни в чем нужды или потребности, но все наполняющему Собой, становимся нужны для полноты Тела Его, которое есть Церковь.” Таким образом, — заключает Златоуст — только тогда достигает Глава совершенной полноты, только тогда получается совершенное в полноте Тело, когда мы все будем объединены и теснейшим образом связаны друг с другом (Слово третье на послание к Ефесянам) — И так, все мы члены Тела Христова, признаны к живому органическому участию в жизни Церкви, дабы, держась единого Главы-Христа, „все тело составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо” росло „возрастом Божиим (Колос. 11, 19)”.

Вот это — церковное учение!

Впрочем учение о Церкви как о великом организме, как о мистическом теле Христовом, не умерло всецело (как ни противоречит оно монополизации со стороны папы жизненных функций церкви), и в католицизме. Фактически и для римского католика жизнь Церкви есть все таки в значительной степени жизнь органическая, несмотря на все притязания курии, на весь внешний юридиксизм. Ибо участие в таинствах и в жизни молитвенного общения, не есть ли тем самым участие в великой органической жизни? Но в сознании это затемнено.

В богословских беседах с католиками мы можем и должны апеллировать к этому затемненному у них, но не отрицаемому ими вполне учению о Церкви, как о мистическом теле Христа. На эту общую с католиками почву следует нам становиться, чтобы показать им, что их учение о непогрешимости папской власти и папских функций в Церкви — противоречит общецерковному и апостольскому, а потому, как мы видели фактически нередко и их собственному учению о Церкви.

Учение апостола Павла о Церкви, казалось бы, общая для нас с католиками предпосылка; более того, оно в самом деле есть для некоторых католиков глубоко ощущаемая и горячо исповедуемая истина, как и для нашей Церкви. Но в своей дальнейшей системе рим-

ский католицизм не остается верен своему собственному и общему с нами обоснованию жизни церковной.

Отклонение от этого рула древне-церковного восприятия Церкви, как единого живого организма, где истина раскрывается Духом Божиим, братьям, укорененным в жизни любви и в жизни Духа, под единым неведимым Главую Христом, отклонение от этого исконного и непреложного мистического учения Церкви о собственной своей сущности — облегчается для римского католицизма тем, что сам папа, сама папская власть воспринимается им (в ущерб истинному, основному восприятию ее) — мистически. То что принадлежит Церкви произвольно берется у нее и этим украшается папа: „ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae”. Более того, то что принадлежит Христу — переносится на папу. Этим и объясняются те восторженные, возвышенные характеристики папской власти, которые мы встречаем у римских католиков.

Так один из видных французских католических прелатов-богословов, монсеньор Прюнель пишет про папу в своем курсе о религии: „папа единственное в мире существо, которому воздают божеские почести, — и еще несколько дальше — блистание его сверхчеловеческого величия... С каждым папой Христос пребывает вполне и совершенно в таинстве и в авторитете, — учит уже Фома Аквинский*.” В папе продолжается боговоплощение или соединение

*) Об одном папе сообщается следующее: „...Урбан VI, первый папа, избранный на итальянской почве (после Авиньона) — М. Т.) и из итальянской народности, ничем не отличается от обыкновенных тиранов своей родины. Как настоящий диктатор, он проводит большую часть своего правления в борьбе с Неаполем, чтобы добыть корону для своего родственника. Как все светские властители того времени, он стоит во главе наемных банд, и его собственная голова оценена противником в 10,000 золотых гульденов. Этот странный наместник Христа, который во главе разбойничьих шаек старается отнять корону у законного государя и по 4 раза в день подвергает анафеме его войско, обращается крайне жестоко и с собственными кардиналами. Заподозревши их в заговоре, он бросает шесть из них в чьем неповинных прелатов в тюрьму, где их мучат и голодом, и голодом, а потом приказывает их убить.” (Из книги „Важнейшие моменты в истории средневекового папства”. М. С. Карелина, под редакцией Н. И. Кареева).

Таких пап, как Урбан VI, было множество. Неужели с ними тоже „Христос пребывает вполне и совершенно?”

Божества с человечеством, занимающее середину между соединением ипостасным и нравственным — так учит, например, Дириингер, католический богослов после — ватиканского периода (А. Лебедев — О главинстве папы С. П. В. 1877).

— Сам Христос поставил его за себя; поэтому к нему надо относиться так, как относились бы к Самому Христу, если бы Он оставался на земле, — провозглашает католическая римская Цивильта (Civiltà; см. Janus "Der Papst und das Concil, стр. 43). Полна восторженных восхвалений религиозно-мистического величия папской власти, например, книжка известного французского католического писателя Каррера (Carrere. Le pape 1925.) Но особенно типично пастырское послание, после избрания папы Пия XI (1922), к духовенству своей епархии, написанное одним из... замечательных представителей современного католичества, недавно скончавшимся примасом Бельгии кардиналом Мерсье:...

„В глубинах своей совести и в полноте личной свободы они (римские католики) принесли ему в полный дар веру свою и подчинение своего интеллекта и своей воли, и сыновнюю любовь, готовые, если надо будет, лучше претерпеть смерть, чем нарушить — я не говорю одно из его приказаний, но даже малейшее желание его”. и далее он говорит о римско-католическом духовенстве:

„Епископы и священники все верят и склонают головы свои, и повинуются не ожидая приказаний со стороны, заранее подписываясь под программой, содержание которой они даже не хотят знать: так велико их убеждение, что новый глава будет верным последователем своих царственных предшественников, что в вопросах веры и христианской нравственности он не только не будет ошибаться, но и не может ошибаться (Д-р. Bell of Canterbury; журнал "The Church Quarterly Review, April 1928).”

Это обращение кардинала Мерсье к подведомственному ему духовенству только верно передает мистическое ощущение благоговейной веры и благоговейного подчинения, возбуждаемое в римском католике римским папой. Римский папа, его власть и его „непогрешимый авторитет” составляет предмет мистической веры со стороны католиков. Церковь воспринимается ими не только в неразрывной связи с папой но и через папу.

Итак это уже не „только” честолюбие и славолюбие со стороны пап и их присных, или дух раболепства со стороны верующих: то есть некое мистическое приписывание папе свойств всей Церкви; это есть искреннее, глубоко-благоговейное отношение к папской власти, ис-

полненное у верующих католиков самых трогательных и горячих тонов, но вместе с тем это есть со стороны папской власти (допустим, несознательная для участвующих в ней) религиозная и мистическая узурпация. Папа нередко получает от верующего и принимает, и — мало того — приписывает себе, то, что не принадлежало бы ему даже, как и „наместнику” Христа, если бы даже и был таковой, но что принадлежит лишь самому Богу и Господу. Но нужен ли „наместник” Христу, сказавшему: „вот Я с вами во все дни до скончания века”?

„Как Христу по воскресении дана власть на небеси и на земли, так и папе безусловно принадлежит власть светская и духовная”, — пишет папа Иннокентий III в буле "Novit".

Знаменитый католический богослов XVI века кардинал Беллармин, пишет про папу: „папа в прямом и абсолютном смысле слова выше вселенской Церкви (Disputationes de controversiis christianae fides 1586-1593). И из этого принципа выводится следующее нечестивое суждение, оскорбительное для нравственного чувства и несовместимое с достоинством и свободой христианина — „Если-бы даже папа впал в заблуждение, предписывая пороки и запрещая добродетели, то церковь все-же была бы обязана верить, что пророки — добро, а добродетель — зло, если она не захотела бы погрешить против своей совести. Ибо Церковь обязана в сомнительных вещах соглашаться с судом высшего иерарха (папы) и делать то, что он предписывает и не делать того что он запрещает”.**)

Это есть отказ от христианской свободы, отказ от личной ответственности перед лицом Бога. Но Господь охраняет нашу нравственную свободу и высоко дорожит ею. Здесь римская доктрина (Беллармин и по сей день является особенно компетентным и авторитетным излагателем римской доктрины) требует от верующего того, что идет в разрез с Духом Евангелия.

„Вы куплены дорогой ценой, писал ап. Павел христианам, — не делайтесь рабами чужаков”. А у католиков как раз христиане, Церковь делаются рабами... Это: дух рабства. Не даром кардинал Каэтан осмелился произнести кощунственное слово, в котором, однако, как в увеличительном стекле, ярко выступили некоторые несомненные тенденции римского католичества: „Церковь есть рабыня папы”.

(Окончание на 14-ой стр.)

***) А. Евангелие учит нас как раз противоположному: — Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали, да будет анафема — (К галатам I, 8, — М. Т.).

РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРИТЧИ О ТАЛАНТАХ

Бросая духовное семя, мы иногда не получаем плодов, по беспечности слушателей; тем не менее в будущем нам уготована награда, потому что мы пускаем в оборот вверенное нам серебро, и исполняем повеленное нам от Господа; а слушатели впоследствии дадут отчет Тому, Кто востребует от них с лихвою данное им. Впрочем мы не то имеем в виду, чтобы только нам самим не потерпеть вреда, и чтобы только сделать свое дело. Нет, мы желаем, чтобы и вы употребили в дело переданное вам от нас и не подверглись тому наказанию, которое постигло скрывшего талант, и не только не умножившего, но и закопавшего в землю серебро своего Господа. Таковы — те, кто принимает слово учения (талантом и серебром в Писании называется учение) и не старается принести плод и сделать надлежащее употребление (из поучений). Но, может быть, кто-нибудь скажет, что эта притча о талантах сказана о самих учителях? И я тоже скажу. Но если мы тщательно вникнем в притчу, вы увидите, что учителя обязаны только раздавать серебро, а ваш долг — не только хранить данное вам, но и употреблять в дело. А чтобы увериться в этом, надобно изложить самую притчу.

Домовладыкка некий, сказано, отходя призывает своя рабы, и овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един. И по времени возвратившюся ему, приидоша рабы: и приемый пять талант приступи, глаголя: Господи, пять талант ми еси предал, се другия пять талант приобретох ими (Мтф. XXV, 14, 15, 19, 20). Велико и благоразумие раба, щедро и человеколюбие Господа. В самом деле, что Он говорит? Добре рабе благий и верный, в мале был еси верен, над многими тя поставлю, вниди в радость Господа твоего (ст. 24). Так как, говорит, ты показал много благоразумия в употреблении того, что было тебе вверено, то заслуживаешь, чтобы поручить тебе еще больше. Приступи же и два таланта приемый, глаголя: не два ли таланта ми еси предал? Се другия два таланта приобретох има (ст. 22). Много заботливости и в этом (рабе) об имении своего господина; поэтому и он удостоивается того же, что получил первый. Но почему принесший два таланта удостоивается равной чести с тем, кто принес пять талантов? Это справедливо, — потому, что большее и меньшее приращение (талантов) сделано не по рачительности одного и беспечности другого, а по

количеству вверенных им талантов. А что касается до их усердия, то оба принесли поровну; потому и награду получили одинаковую.

Но один раб ничего подобного не сделал; а что же? Приступи, глаголя: ведях тя, яко жесток еси человек, жнеши, идеже не сеял еси, и собираеши, идеже не расточил еси: и убоявся, шед скрых талант в земли: се имаши твое (ст. 24, 25). О, злоба рабская! О, крайняя неблагодарность! Он не только ничего не приобрел на данный ему талант, но еще и укорил за талант своего господина. Такова испорченность души: она помрачает разум, и человека, однажды совратившегося с прямого пути, низвергает в бездну. Все это сказано об учителях, чтобы они не скрывали того, что вверено им, но со всем тщанием передавали учащимся. Но слушай далее, возлюбленный: из негодования господина на этого раба ты увидишь, как и учащиеся могут сделаться виновными, как и от них востребуется не только то, что им дано, но еще и с лихвою. В самом деле, что говорит Господь тому лукавому рабу?

Злый рабе! Негодование страшное, угроза поразительная! Аще, говорит, ведал еси, яко жну, идеже не сеял, и собираю, идеже не расточил, подобаше убо тебе вдати серебро мое торжником, и аз пришед взял бых оно с лихвою (ст. 26).

Серебром он называет драгоценное слово (Божие), а торжниками — вас, принимающих (от нас) это слово. Твое дело, говорит он, было только передать им серебро; а мое — взыскать от них не только то, что им дано, но и то, что они сверх того приобрели бы. Видите, возлюбленные, как много страшного в этих словах! Что же скажут на это те, которые не заботятся даже о сохранении вверенного им (сокровища), когда сверх того потребуются еще от них и приращение его?

Но посмотри, как человеколюбив Господь! С денег вещественных Он воспретил брать рост. Почему и для чего? Потому, что от этого и тот и другой терпят много вреда. Одного сокрушает бедность, а другой с умножением богатства наживает себе и множество грехов. Поэтому-то от начала Бог дал жестокосердым иудеям такую заповедь; да не даси брату твоему в лихву (серебра), и ближнему твоему (Втор. XXIII, 19). Итак, какого ж извинения могут быть достойны те, которые жестоко стию превосходят и самих иудеев, и после благодатного искупления и столь великого человеколюбия Господня, оказываются ниже и хуже людей подзаконных? Между тем в духовных дарах Господь обещает потребовать от нас лихвы. Почему так? Потому, что эта духовная

лихва совершенно противоположна вещественному богатству. Там, должник, с которого взыскивается рост, внезапно падает в крайнюю бедность; а здесь, подвергающийся взысканию лихвы, если он человек благоразумный, то чем большую принесет лихву, тем большее получит свыше воздаяние.

Итак, возлюбленные, когда мы передаем в ваши руки вверенное нам (сокровище), тогда каждый из вас должен усугубить труд и бдительность, как для того, чтобы сберечь данное ему, чтобы оно сохранилось в целостности, так и для того, чтобы употребить это в дело, то есть и другим передать, и многих привести на путь добродетели. Таким образом, ваше приобретение вдвойне увеличится — и вашим собственным спасением, и пользой других. Если вы будете так поступать, то и нас сделаете блаженными (блажен, сказано, поведаяй во уши послушающих Сир. XXV, 12), и побудите предлагать вам эту духовную трапезу еще в большем обилии. Итак, не оставляйте без попечения братьев ваших, имейте в виду не свою только пользу, но пусть каждый (из вас) старается исхитить ближнего из челюстей диавола, отвлечь от незаконных зрелищ и привести в церковь, с любовью и кротостию показывая ему, какой великий вред — там, и какие великие блага — здесь. Делайте это не раз только, или два, но постоянно. Пусть он сегодня не слушает твоих слов — убедится после; а если и в другой раз не слушает, то, видя твою настойчивость, когда-нибудь может быть и придет в себя, и, тронутый твоею заботливостью, отстанет от губительных удовольствий. И никогда не говори, что я говорил ему и раз, и два, и три, и много раз, но ничего не успел. Не переставай говорить, — потому что чем дальше будешь продолжать, тем больше умножится и твоя награда.

(Беседы на книгу Бытия XI. I)

Значение ходатайства праведных за нас

Если ныне, находясь еще на поприще, мы не совершим подвигов добродетели и не будем избегать сетей зла, то впоследствии, хотя и станем обвинять самих себя, но уже тщетно: тогда рассказание будет уже бесполезно. Пока мы находимся в настоящей жизни, возможно еще, раскаявшись, получить от того пользу, и очистив прежние согрешения, удостоиться милосердия от Господа. Если же, опустив настоящее время (жизни), будем внезапно (от нее) восхищены, то, хотя и будем тогда каяться, но уже не получим от того никакой пользы. А чтобы тебе убедиться в этом, послушай, что говорит пророк: во гробе кто будет славить Тебя (Пс. VI, 6) И еще: человек

никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за нега (Пс. 48, 8). Некому, говорит, будет там избавить человека, погибшего от собственной беспечности, хотя бы тут был брат, или отец, или мать. И что я говорю: брат, отец и мать? И самые праведники, получившие великое дерзновение (пред Богом), тогда не будут в состоянии помочь нам, если мы теперь будем предаваться беспечности. Если, сказано, станет Ной, и Иов, и Даниил, сынов своих и дочерей своих не избавят (Иезек. 14, 18). Заметь силу этой угрозы, — и то, каких праведников (Писание) представило в пример. Именно эти самые праведники в свое время служили для других посредниками спасения: так Ной, когда страшный потоп покрыл вселенную, спас жену свою и сыновей; подобным образом Иов был для других причиной спасения; и Даниил многих избавил от смерти, когда жестокий властелин (Навуходоносор), испытывая некоторые сверхестественные явления, повелел умертвить халдеев, волхвов и гадателей (Дан. V, II).

Итак, мы не должны думать, что то же будет и в грядущем веке, то есть, что добродетельные люди, имеющие дерзновение пред Богом, в состоянии будут освободить от будущих наказаний близких к ним людей, которые живут здесь в беспечности. Поэтому-то Писание и приводит в пример упомянутых праведников, с целью навести на нас страх и научить нас полагать надежду спасения, после благодати свыше, в собственных добрых делах, но не рассчитывать на добродетели предков, или на что либо другое, если сами остаемся во зле.

Если имеем предков добродетельных, то надо стараться о том, чтобы подражать их добродетелям. А если бы случилось противное и мы происходили бы от порочных предков, то не опасаться от того для себя самих какого либо вреда, а только самим надобно упражняться в подвигах добродетели; тогда и не будет нам от того никакого вреда.

Каждый или увенчивается, или осуждается, смотря по тому, что сам сделал, как и блаженный Павел говорит: Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое. (2 Кор. 5, 10), и опять: Который воздаст каждому по делам его. (Рим. 2, 6). Зная все это и оставив всякую беспечность, посвятим все свои силы добродетели, пока еще находимся на поприще, пока еще не кончилось зрелище; позаботимся о нашем спасении, чтобы, совершив подвиг добродетели в это краткое время, получить за то награду в бесконечном веке.

(Беседы на книгу Бытия 43)

ПОИСКИ ЗАГАДОК ПРОШЛОГО

В этих поисках нельзя ничем пренебрегать. Песни, легенды, поговорки как русские, так и соседних народов: черкесов, армян, грузин, персов, — все должно быть собрано и приведено в систему. До сих пор Русь считалась как бы существовавшей со времени „Повести временных лет” и „Слова о полку Игореве”. Но мы позволим себе задать вопрос: А раньше этого неужели Руси не было? „Да, Русь была, но мы о ней ничего не знаем”. Так ли это? Конечно, нет. Есть много данных, перемешанных с выдумками, среди которых нужно найти настоящее и отбросить выдуманное. Сделав это, мы найдем, наконец, нашу древнюю историю.

Так, размышляя об „Артанской Руси”, мы находим на Кубани реку „Мартанку”, станицу „Мартанскую” и узнаем, что слово „мартань” по-черкесски обозначает „русская смерть”. Это слово связано с Таманью (Тьмутараканью древности), и там же надо искать „остров”, на котором была „Артанская Русь”. Река Кубань там разливалась двумя рукавами, отрезая Тьмутаракань от остальной земли.

На Дону, верстах тридцати к югу, лежит река „Кагальник”, древняя „Кагала”, или по славяно-русски „Каяла” („Слово о полку Игореве”). Ее указал еще Иловайский. Между тем, Каялу искали даже... на Зеленчуке Батайпашинского края! Однако, Каяла упоминается совместно с Доном в „Слове о полку Игореве”, а потому ее надо искать где-то возле Дона. Но вот, мы ее указывали... Разве примут это господина историки? Вряд ли. Потому что... указал ее какой-то неизвестный Миролюбов. Но что делать человеку, хотя бы Миролюбову, если он просматривает источники и видит, что историки этих источников не видели, не изучали и выводов из их не сделали? Почему так? Абъясняется это тем, что в истории сейчас кризис, как и в физике. Найдена масса разных новых данных, но старая профессура топчется, отрицает, не решает... Между тем время не ждет, наука должна идти вперед! Потому ее начинают, не глядя на ученых, толкать вперед „люди с улицы”, любители. Это очень неприятный факт для ученых, однако, мы ничего не можем поделать. Новые источники, хоть и недающие хронологии и ясного последовательного изложения, но зато богатые эпизодами прошлого, может и не вполне верными, но все же эпизодами, то есть фактами, не встречают даже любительства со стороны историков („Дошкы Изембека”). „Сказы Захарихи”, „Поведки Прабы Варвары”, Песни кобзаря Олексг” — в таком же положении. Вопрос не заключается

в том, чтобы обязательно признать за ними подлинность. Можно быть и „за” и „против”. Вопрос заключается в фактах, сообщаемых этими новыми источниками. Эти факты должны быть рассмотрены и приняты, или отвергнуты. Тогда же выяснится и подлинность или неподлинность „Дошек Изембека”. Но для этого надо отказаться от норманской позиции” и этого как раз большинство ученых не может сделать.

„Сказы Захарихи” содержат другие элементы древней истории русов и преистории, но... ими не интересуются даже академии наук, несмотря на наши неоднократные обращения. Так же совершенно не реагировал на них Русско-Американский Институт (ректор проф. Николаев). По слухам, за этим институтом стоит сепаратистическая униатская акция. Этим людям, конечно, наши сообщения не могут нравиться. Но ведь мы сообщаем новые исторические данные! Об этих данных они думают, как о помехе в их работе. Это, конечно, очень печально, ибо этим отбрасывается наука назад.

Мне пришлось побывать в дельте Дона, у Бессергеновки. Там на каждом шагу развалины прошлого, следы поселений, стен и так далее. Такие же следы древности у городка Ейска, вернее у ейского укрепления. Мужики там разыскивали иной раз клады, доставали серебряные кувшины, блюда и даже древние деньги. Никто об этом не заботился, и вероятно, все так и пропало.

В „Сказах Захарихи” в некоторых вариантах (я их записал почти все, несмотря на повторения) рассказчица иной раз вместо слова „фряки” (фраки), говорит „пряки”, и объяснила, что это слово происходит от глагола „пратися”, или „прятися”, что значит „бороться”, и что и „пряки” были, как нынче казаки — „люди войны” (а не национальность!). Мы считали, что это весьма важное указание и что его надо принять во внимание. Она говорила, что „фряки” или „пряки” — были Русой. Я как сейчас вижу ее лицо при этом — на нем было вдохновение и убежденность.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

В США, Канаде и Австралии — 3 дол. в год.
 Вся Южная Америка — 1 доллар.
 Европа и остальной мир — 1.50 дол.

Чеки и почт. переводы выписывать на имя редактора — Michael Turjanica
 "F R E E W O R D"

P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U. S. A.

...Та были-ж наши Щуры та пращуры, прады та прабы у горах високих,

Та пасли вони там скотину-худобу, та був у них царь-Мандарь, а тый царь сказал, щоб Руса до пивдня йшла, бо птица-сокол соняшний йому тое повѣдала.

Так ишла Руса аж до Шуму...

Отож гетьман Любодянский
 Послал гоньчей до Ярусланев,
 Ащерб рекли, яку бѣду Руса маєт
 От Магы-Угры злое,
 Що людей рѣжет, та скот бере,
 Ащерб тоге Магы-Угры досит
 А вжеж и дня не обуло
 Як налѣтала Яруслана
 по — три комонь на ту Магу
 А теж била ее та кривавила,
 Тай гоняла посеред степу,
 Та не давала ей ни минуты дыхнути.
 Скоро побила Яруслана все,
 Скот забрала а полону
 Тай продала того грецю,
 А скотыну отдавала Руси,
 Та тож хвалювала руса Лободяна
 Яруслану тричи слава.
 А гетман Загура рѣк
 Абы Яруслану Руса почитала
 А николиж ее не забыла.

.....

Отсюда при постоянных ссылках на церковную традицию, фактическое презрение к ней, произвольная однобокая выборка из нее того что удобно, того, что годится для защиты папских притязаний. Ибо папа — выше Церкви, выше традиции, выше отцов! Епископ Корнелий Лиссо хорошо выразил это мировоззрение в проповеди, произнесенной им в Риме в конце XVI в.: „что говорит папа, то мы должны принимать как если бы это говорил сам Бог. В делах божественных мы считаем его Богом; и в таинствах веры я поверил бы одному папе более, чем тысячам Августинов, Иеронимов, Григориев...”

Всем сердцем нужно нам желать, чтобы это иожакение учения о Церкви было преодолено истинно вселенским — истинно католическим сознанием, дремлющим, но все-же не умершим в католичестве. Трудно еще надеяться на это, но невозможное человекам возможно Богу!

Н. С. Арсеньев
 (Журнал „Русский Колокол”
 № 7 (1929) стр. 29-37)

Любопытная деталь: инквизиция уничтожает народ, а палачи-инквизиторы доносят папе: — „Все это совершилось к назиданию и великой радости доброго народа”. — Ну, разве не сталинский голос звучит перед нами?

Зачем клеветать? Что происходило на Юго-Западной Руси в течение веков? Разве насильственное православие насаждали казаки, а не католики насильственно окатоличивали? Что подобное было в истории России-Понения на старообрядцев и воссоединение униатов? Но это было наше, семейное дело, и какой это был пустяк, по сравнению с тем, что делали католики в чужой стране! Ведь живьем жарили, на кол сажали! Разве существовали старообрядческие казаки, которые громили бы своих русских притеснителей?

Между Россией и Западом лежит основное отличие: Запад живет на католической основе: „все дозволено”; Россия — на православной основе: „по правде”. Эту жажду правды на всем протяжении русской истории можно увидеть как со стороны высших представителей власти и духовенства, так и со стороны простолюдина. Это — тот „категорический императив”, который лежит в самой основе создания Российского государства.

В 20-х годах я видел в Харбине очень импозантную католическую „процессию Св. Тела”. За ней наблюдали тысячи людей и в ней принимало участие множество населения, европейского и китайского. Внимание мое привлекло одно необычайное обстоятельство: золотые дарохранительницы, несомые высшим духовенством. Дарохранительницы эти были увиты крупным, рельефным, эмалевым орнаментом, — китайским драконом, пришедшим из глубы тысячелетий... Я остолбенел. Язычество на святом месте?...

Приспособление. Все дозволено. Позднее два разных лица уверяли меня, что в Шанхае католические миссии содержали публичные дома — на пользу святого дела миссий. В данном случае, с драконами, католичество употребляло легчайший путь для проникновения в китайскую толщу. Традиционный, тысячелетний дракон психологически соединял китайцев с католицизмом, помогал перешагнуть грань между двумя верованиями. Результат был на лицо: сотни китайцев-католиков в процессии и католические костелы чуть не во всех городах Китая. Православных китайцев в Харбине, русском городе, были единицы.

Дальше я думал: „Ну, так как же? Приемлем или неприемлем дракон на дарохранительнице?” — Ум раздваивался: с одной стороны,

будто бы, добро, а с другой — предательство. Какой-то внутренний голос все же говорил: — „Не приемлем!“ — Но за православие было обидно.

Так почему же неприемлем? Потому что не по правде. А раз не по правде, то и результат будет несправедливый: не истинное христианство исповедуют и несут миру эти люди. Ничего не стоят их костелы по китайским городам, — лже-христианство. Не может Православная Церковь прибегать к таким средствам. В других местах католики действуют подкупом, насилием, соблазном, огнем, мечем и вообще всеми доступными им средствами. Совсем так, как действуют революционеры, создатели земного рая. Достоевский еще в прошлом веке увидел теснейшую духовную связь между социализмом, революцией и католицизмом. Православие же опирается на духовную свободу и рай небесный.

П. Панин

.....

Письмо в редакцию

Поскольку статья С. Лесного, помещенная в 69-70 номере „Свободного Слова“, объявлена дискуссионной, я предлагаю некоторые заметки.

1. Всем известно выражение: „путь из Варяг в Греки“, применительно к западной части Европейской России, как путь торговый. Автор отрицает такую возможность — за безлюдностью и протяженностью такого пути. Но имена Дежнева, Пояркова, Никитина, Шелихова Марко Поло, в основном торговцев, преодолевших гораздо большие трудности, говорят о другом.

2. О „безлюдности“. Сам автор говорит о „сотнях городов“ в древней Руси. Сколько их было, мы не знаем; но вот, название древнейшего города **Н о в** - город — говорит нам о том, что и до него уже существовали города.

3. Как увязать заявление автора, что Рюрик был „славянином из Полабья“, а Олег — „русифицированным норвежцем“?

4. Не знаю наверное, но, по моему, нигде не отмечалось родство слов: „варяг“, „вор“ и „враг“. Варяги — ва-руги — воруги — вороги — враги. Это бросает на дело особый свет.

5. Русь никогда не имела замков, которые непременно остались бы при господстве над ней чуждых пришельцев с Запада. Самый дух, психология, внутренний смысл понятия „князь“ — совсем другой, чем „король“, „ярл“, „герцог“ и пр.

6. „Культура“ — отнюдь не замок и не техника, а нечто гораздо шире, тоньше и неуловимей. Так: хорошо обработанное поле, конечно,

гораздо культурнее каменного замка, а свободный пастух или хлебопашец „культурнее“ члена какой-нибудь средневековой касты или члена современной политической партии; потому что кругозор его и способность восприятий и шире и глубже.

17. 3. 65

П. Соколов

Александръ Котомкинъ

Вмѣсто предисловія къ первому изданію за-границей

П ѣ с н я

Здѣсь сто стиховъ — сто капель крови,
Набатъ призывный
Моей души.

Я ихъ съ привѣтомъ грядущей нови
Въ кругъ неразрывный
Собралъ въ тиши.

Въ часы побѣдъ, въ часы паденья,
Въ часы безумья
Родной Страны, —

Я шелъ на зовы вдохновенья,
Гдѣ Пѣснь Вѣщунья,
Міръ старины...

И, вотъ, теперь, въ вѣнце изгнанья,
Въ пути далекомъ,
Въ чужомъ краю, —

Чтобъ Ей помочь нести страданья, —
Въ бою жестокомъ
Я Пѣснь пою.

И сто стиховъ — сто капель крови,
Сто струнь призывныхъ
Души моей, —

Несу Ей съ жаждой свѣтлой нови,
Силь неизбывныхъ,
И лучшихъ дней.

Парижъ 1927 г.

В редакции „Свободного Слова“
можно приобрести следующие книги:

Демидов В. прот. „Спутник христианина“ (240 стр.)	2,25 дол.
Сван Е. (Резвая) Стати, рассказы (140 стр.)	0,95 дол.
Солоневич Иван. Диктатура Импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация (239 стр.)	1,20 дол.
Петров Г. свящ. Затейник и другие рассказы (189 стр.)	1,45 дол.

Исправление. В номере 67-68 „Свободного Слова“, статья „Русская вера в Карпатах“, написана автором УПОРЕНЕЦ, а не Упоринец.

Помещаемое ниже прекрасное стихотворение принадлежит перу словацкого поэта, который нарисовал очень верно картину жизни словацкого народа до первой мировой войны. В таком же печальном положении как словаки, находилось в то время и русское население южных склонов Карпат.

„Что за шум и крики?
Что за вереница
Тянется дорогой?
Испитые¹⁾ лица;

Без кровинки губы
Запеклись от жажды.
Поглядит и вчуже
Прослезится каждый.

Как под осень гуси,
В путь спешат далекий.
С Богом, край родимый!
Здравствуй, свет широкий!

Из дому их голод
Гонит на чужбину.
Бедность плетью жесткой
Подгоняет в спину.

За краюшку хлеба,
За свою недолю
Отдаются сами
В тяжкую неволю.

О, словаки-братья,
О, родное племя,
Тяжкое досталось
Вам на долю бремя!

Вас не позабыли,
Всем вас наделили.
Холодом согрели,
Голодом вскормили.

Напоили желчью,
Тряпкою одели,
Твердый камень дали
Вам вместо постели.

И за вашу верность,
За труды за многи —
Ныне вам готовят
На погосте²⁾ дроги.³⁾
Вам готовят дроги,
Но Бог сильный с нами,
И враги на эти
Дроги лягут сами”.

Светозар Гурбан-Ваянский

НА ПРЯШЕВСКОЙ ДОРОГЕ ЛЕТОМ

Хорошо проходить среди зеленых полей
В этот радостный утренний час,
Под сияющей ласкою теплых лучей,
Под лазурью, чарующей глаз.

От восхода до тихой вечерней зари
В спелом поле работы кипят.
По душистому лугу идут косари,
И на солнце их косы горят.

На околицах — золото детских кудрей.
Их головок растрепанный лен,
Русской речью журчит, как весенний ручей,
Голосов переливчатых звон.

После долгих скитаний так радостно знать,
Что иду я по русской земле,
Лица русския радостно мне узнавать
В каждой хижине, в каждом селе.

А. Нельской

.....
Полный цикл эпических картин, воскрешающих в поэтических образах древнее миропонимание и верования наших далеких предков славян, найдете в поэме-трилогии
(в четырех книгах)

ИЛЬИ И. ТЕРЕХ:

I том (I-я часть) „СВАРОГ” стр. 319, дол. 2,00
I том (II-я часть) „СЛАВЯНЕ И КАРПАТЫ”,
стр. 319, дол. 1,25.

II том „СЕРЫЙ СВЕТО”, стр. 102, дол. 1,25
III том „ЧЕРНАЯ ПОТЬМА”, стр. 159, дол. 1,25

Выписывать в редакции:

“FREE WORD” P. O. Box 992, Newark 1, N. J.

.....
Настольная книга для каждого православного
русского человека:

РУКОВОДСТВО

к изъяснительному изучению Православия,
католичества и протестантства (880 страниц)

Цена 10 дол.

Заказы направлять:

Archimandrite Panteleimon
Holy Trinity Monastery
Jordanville, N. Y.

.....
Юрий Псковитянин

„С К И Ф”

(роман)

Заказывать в редакции „Свободного Слова” —

Цена 3 дол.

“FREE WORD”

P. O. Box 992, Newark 1, N. J.

1) Испитой — истощенный, изнуренный, исхудалый.

2) Погост — сельское кладбище.

3) Дроги — погребальная повозка, колесница для перевозки умерших.